

ПОЛЕМИКА О СВОБОДЕ СОВЕСТИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ

Сафонов Александр Александрович,
 профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения
 Национального исследовательского университета — Высшей школы экономики,
 доктор юридических наук, доцент

119017, г. Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17

Вопрос о формировании институтов гражданского общества в политической системе дореволюционной России принадлежит к числу дискуссионных. Отсутствие в России институциональных гарантов гражданского общества, канонизированных западной политической мыслью, таких как сильный средний класс, развитые коммерциализованные города, защищенные права личности и собственности и др., побуждает одних авторов прийти к выводу о слабости гражданских институтов в России. Другие же рассматривают российскую модель гражданского общества как некий особый архетип, формировавшийся на перекрестке восточной и западной культур в особых исторических, социо- и этнокультурных условиях атрофии общественного и гипертрофии государственного начал, что обусловило его своеобразие и неповторимость.

Так, Л. Хэфнер и Э. Кимбэлл характеризуют гражданское общество последнего десятилетия царского режима как относительно слабое. Свои выводы они основывают на утверждении об отсутствии в условиях авторитарного строя либо присутствии в минимальных дозах таких важных атрибутов гражданского общества, как гражданские права, религиозная и этническая терпимость, верховенство права и закона, неприкосновенность частной собственности и автономия частной сферы¹. Российский ученый А.Н. Медушевский объясняет слабость гражданских институтов неподкрепленностью социальной реформы второй половины XIX в. реформой политической, т.е. переходом от самодержавия к представительной системе правления в виде конституционной монархии².

Признавая справедливость заключений о слабой укорененности идеологии и институтов гражданского общества в России начала XX в., следует отметить высокий уровень интереса российской образованной общественности к вопросам введения гражданского равноправия, политических свобод, реформирования политической системы. Исследовавший идеологию

российской профессуры Д. Вортенвейлер верно отмечает, что идеи и ценности гражданского общества были характерны для либеральной профессуры дореволюционного времени и либеральной общественной мысли в целом. Они явно присутствовали в научных и публицистических работах академической элиты России, для которой требования гражданских и политических свобод были близки по духу³.

Ярким тому свидетельством стала полемика по вопросам о свободе совести и государственно-конфессиональных отношениях, развернувшаяся в российском обществе на рубеже XIX—XX вв. Ведущие правовые и общественно-политические издания были заполнены публикациями, в которых разяснялось содержание права свободы совести, оценивалось российское законодательство с точки зрения возможности для его осуществления.

Перспективы осуществления в России свободы совести интересовали в изучаемое время не только ученых и политиков, но и образованное общество в целом. Так, вопрос о свободе совести был поднят на проходивших в Петербурге в 1901—1903 гг. Религиозно-философских собраниях (далее — РФС), ставших важной вехой в истории русского богоискательства и Российской православной церкви (далее — РПЦ) синодального периода⁴. Здесь встречались и полемизировали светские и духовные люди — историки церкви, богословы, философы, литераторы, а также профессора и преподаватели духовной школы, представители черного и белого духовенства. Являясь проявлением возросшего интереса российской интеллигенции к религиозно-философским темам, Собрания были призваны смягчить «разединение и взаимное непонимание» духовенства и светских людей, препятствовавшие конструктивному обсуждению ими вопросов роли и места Церкви в современном им государстве⁵.

РФС были официально разрешены властью. В месте их проведения — малом зале Императорского

¹ См.: Хэфнер Л. Civil Society, Burgertum и «местное общество»: в поисках аналитических категорий изучения общественной и социальной модернизации в позднеимперской России // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 196; Кимбэлл Э. Русское гражданское общество и политический кризис в опоху великих реформ, 1859—1863 // *Великие реформы в России, 1856—1874*. М., 1992.

² Медушевский А.Н. Формирование гражданского общества: реформы и контрреформы в России // *Реформы и реформаторы в истории России*: сб. ст. М., 1996. С. 75.

³ Wartenweiler D. *Civil Society and Academic in Russia*. Oxford, 1999. P. 4.

⁴ О значении Религиозно-философских собраний для российского общества начала XX в. см.: Империя и религия. К 100-летию Петербургских религиозно-философских собраний 1901—1903 гг.: Мат-лы Всеросс. конф. СПб., 2006.

⁵ Вступительная речь преосвященного Сергия, епископа Ямбургского при открытии Религиозно-философских собраний // *Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901—1903 гг.)* / общ. ред. С.М. Половинкина. М., 2005. С. 4.

географического общества, располагавшегося в доме Министерства народного просвещения на Театральной улице, духовенство размещалось справа от председателя, интеллигенция — слева. Как свидетельствовала З.Н. Гиппиус, на РФС столкнулись два мира — мир Церкви и мир интеллигенции, ожидать взаимопонимания этих миров не приходилось. Интеллигенция представлялась «людям церкви» «в виде одной компактной массы «светских безбожников». Обе стороны почти не знали друг друга⁶. Посетитель РФС поэт А. Белый выделял среди их участников: «кружок светских писателей» (В.В. Розанов, Д.С. Мережковский, Н.М. Минский, В.В. Успенский, А.В. Карташев и др.), «ортодоксальных представителей вечной традиции» (епископ Сергей (тарогородский), архимандрит Антонин (Грановский), священник Михаил (Семенов), а также кружки в Москве и Вышнем Волочке, «посвященные углублению церковных вопросов» (Л.А. Тихомиров, священник И. Фудель, епископ Никон (Рождественский), В.М. Васнецов, Е.Н. Погожев и др.)⁷.

Вопрос о свободе совести обсуждался на протяжении трех заседаний РФС, проходивших зимой 1901–1902 гг. Обсуждение было открыто пленарным докладом известного литературного критика и театрального деятеля князя С.М. Волконского под названием «К характеристике общественных мнений по вопросу о свободе совести». По признанию Волконского, поводом к обращению его к указанной проблеме явилось выступление на миссионерском съезде в Орле в 1901 г. орловского губернского предводителя дворянства М.А. Стаховича, вызвавшее бурную реакцию в светской и церковной среде. В нем содержался призыв установить свободу совести и отменить уголовные наказания за отпадение от православия. Присутствовавшие на орловском съезде представители РПЦ отвергли это предложение. В церковных и миссионерских кругах выступление Стаховича было воспринято резко отрицательно, как откровенный призыв к безнаказанности, распушенности, к антицерковному движению и подкопу под русскую государственность. Только двое священников высказались за свободу избирать и исповедовать веру.

В своем докладе С.М. Волконский аргументировано поддержал позицию М.А. Стаховича. Он выявил несоответствие действующего в стране вероисповедного права догматам православной веры, а также задачам и нуждам современной Церкви. Волконский утверждал: «Русский» и «православный» — не синонимы... Понятие церкви более широкое, чем понятие народности; в одной церкви могут сойтись многие народности, а при осуществлении Вселенской Церкви — все народности (не теряя притом своей этнографической и государственной обособленности). ...Введение начала государственности в Церковь противно смыслу Церкви. Принцип государства — обособление, принцип Церкви — объединение...

Насилие и принуждение в делах веры противны духу христианства. Церковь, в лоно которой можно войти, но выйти из состава которой воспрещается, атрофирует свою внутреннюю органическую силу. Обязательность исповедания господствующей религии влияет расслабляющим и развращающим образом на общественную совесть. Заботой человека становится вместо осуществления внутреннего качества внешнее соблюдение видимости. Запрещением отпадения поощряется лицемерие... Свобода совести нужна для оздоровления совести на всех общественных ступенях⁸.

Выступление С.М. Волконского раскололо участников РФС на три течения: сторонников введения свободы совести, противников этой меры и людей, занимающих срединную позицию. Анализ аргументации указанных позиций представляет, на наш взгляд, чрезвычайный интерес, поскольку отражает сложную палитру воззрений на религиозную свободу в российском обществе в изучаемый период.

Активными сторонниками позиции князя Волконского в РФС являлись писатель Д.С. Мережковский, писатель и профессор Петербургской духовной академии В.В. Успенский, журналист Е.А. Егоров, историк культуры Ф.Н. Белявский. Так, Д.С. Мережковский прямо отождествлял тезисы доклада Волконского с суждениями по вопросу свободы совести авторитетного религиозного мыслителя В.С. Соловьева, более известными российскому обществу. Вопрос о свободе совести Мережковский предлагал решать, исходя из христианского учения и «основных божеских свойств». Он говорил: «Где Христос, там нет насилия, там есть свобода, любовь. Мы против насилия и хотим, чтобы действовала сила Божия⁹. Е.А. Егоров, обращаясь к присутствующему в РФС священству, замечал: «Насилие творится во имя Христа, а потому именно вам, представителям учения Христова, а не светским людям следовало бы вступить за свободу совести¹⁰».

Наиболее последовательным оппонентом С.М. Волконского являлся В.М. Скворцов. Чиновник особых поручений при обер-прокуроре Синода, близкий к К.П. Победоносцеву, редактор «Миссионерского обозрения», эксперт в уголовных процессах против старообрядцев и сектантов Скворцов усматривал в тезисах доклада Волконского «глубокую неправду, как фактическую, так и юридическую». Ссылаясь на ст. 45 «Основных законов», гласившую, что «свобода веры предоставляется всем», а также на кассационную практику Сената, в большинстве случаев решавшего дела в пользу сектантов, Скворцов доказывал, что российским подданным предоставлено право исповедовать религию своих предков. Введение свободы совести признавалось Скворцовым мерой, равнозначной потрясению основ существующих церковно-государственных отношений, а также российской государственности: «Спаянность государственная и церковная слишком велика в православно-самодержавной России, чтобы

⁶ Гиппиус З. Н. Живые лица. Воспоминания. Тбилиси, 1991. Т. 2. С. 215.

⁷ Белый А. Воспоминания о Блоке. М., 1995. С. 29.

⁸ Волконский С.М. К характеристике общественных мнений по вопросу о свободе совести // Записки петербургских Религиозно-философских собраний... С. 105.

⁹ Записки петербургских Религиозно-философских собраний... С. 121–122, 148.

¹⁰ Там же. С. 127.

отвергать одно, не трогать другого». Неприемлемость для России свободы совести доказывалась им также низким уровнем правосознания народа: «Кто знает логику народа (я жил среди народа 12 лет), — отмечал оратор, — тот согласится, что у него то, что не запрещается, считается позволительным»¹¹.

Аргументация Скворцова была поддержана профессором богословия Военно-медицинской академии протоиереем А.С. Лебедевым. Ограждение церкви от лжеучений, по мнению Лебедева, являлось не насильем, а необходимым педагогическим вмешательством в жизнь народа, в силу своей темноты и невежества «неправоспособного распоряжаться собой» и нуждавшегося в опеке¹². «Народ верует в обязанность власти охранять общество от обольстителей... — говорил в унисон Лебедеву чиновник Св. Синода В.А. Тернавцев, — Вмешательство власти в дела веры народу представляется нравственно-самопонятным... охранение — это минимум»¹³.

На утверждение о необходимости варьировать принципы вероисповедной политики государства в зависимости от уровня культуры и нравственности ее субъектов — образованного меньшинства или народной массы — защитник религиозной свободы Д.С. Мережковский парировал: «Кто создал христианство, как не темный народ — галилейские рыбаки? Я просил бы вас ответить: можно ли исповедовать теорию угнетения людей темных людьми светлыми, будучи христианином или даже просто веря в Бога?»¹⁴.

Доводы противников введения в России свободы совести были подытожены в заключительном докладе чиновника Синода В.А. Тернавцева — богослова, одного из наиболее сильных ораторов среди интеллигентов — ревнителей православия. «Спор о свободе совести есть спор о государстве и его религиозном призвании», — утверждал докладчик. Свободу совести он называл одним из главных принципов революции, призывал переадресовать вопрос о необходимости ее введения представителям светской власти, которая «окончательно отстояла свою религиозную самостоятельность перед лицом священства и перед лицом управляемых», и не может «ставить себе иную конечную цель, кроме идеала «праведной земли»¹⁵.

Представители церковной иерархии — архимандрит Антонин (Грановский), являвшийся старшим цензором Петербургского духовно-цензурного комитета, ректор Петербургской духовной академии и доктор богословия епископ Сергей (Старгородский) (позднее патриарх Московский и всея Руси), протоиерей Никольского Богоявленского морского собора, профессор Петербургской духовной академии С.А. Соллертинский заняли по вопросу свободы совести промежуточную позицию. Допуская возможность проводить принципы свободы совести частным путем, посредством личной деятельности священников

и их обращений к светской власти, они отказывали праву религиозной свободы в законном юридическом обосновании. Так, епископ Сергей (Старгородский) признал, что христианство в теории допускает абсолютную свободу совести, но, характеризуя реалии российской жизни, он трактовал это право уже более осторожно: «Нельзя от нас требовать, чтобы мы своими руками разрушали то, что ограждает нашу паству. Распространение ложных учений можно сравнить с продажей опиума. Конечно, мы признаем, что идеальное состояние было бы такое, когда всякий член русской церкви мог бы относиться к этой области сознательно. Но есть ли это отношение? Если нет, то нельзя требовать от нас, чтобы мы уничтожали хотя бы искусственную преграду, которая поставлена законодателями»¹⁶.

Протоиерей С.А. Соллертинский разрешал противоречие между теоретическим содержанием и практической реализацией права свободы совести, проводя демаркационную черту между свободой внутренней, признаваемой христианством, и внешней, юридической. Признавая справедливость требования юридического обеспечения религиозной свободы («каждый имеет полное право иметь свои собственные воззрения и считать их верными»), он указывал на нежелательные последствия, к которым она привела в протестантском мире, «совершенно невозможные для русского народа»¹⁷.

Двойственность позиции в речах всех духовных ораторов отмечал П.П. Фурнье — работник Собственной ЕИВ канцелярии по учреждениям императрицы Марии: «...каждый начинает с утверждения, что христианство нераздельно со свободой совести, каждый ставит эту свободу в красный угол, а в заключение, покадив ей в меру, задерживает над святыней завесу и начинает распоряжаться так, как будто этой святыни совсем нет на свете»¹⁸. Уклончивыми и неопределенными считал аргументы церковных иерархов Д.В. Философов: «Когда говорил о Соллертинский, то из его слов выходило, что в принципе свобода совести допускается, а потом он свободу совести отвергает, доказывая, что принцип сам по себе, а жизнь сама по себе... Прямо непонятно: в принципе свобода признается, de facto отрицается. То, что выставляется основой христианства, что является несомненным элементом для дальнейшего развития христианского учения, — отвергается во имя удобства жизни»¹⁹.

Между тем глубинные мотивы своего протеста введению в России свободы совести православные ораторы, как представляется, высказали не в ходе своих докладов, а в свободной полемике. «Находясь в теперешнем положении, нам неестественно желать провозглашения свободы, которой мы сами не пользуемся», — говорил епископ Сергей, и пояснял:

¹¹ Там же. С. 111, 113, 117.

¹² Речь проф. А.С. Лебедева // Записки петербургских Религиозно-философских собраний... С. 152.

¹³ Записки петербургских Религиозно-философских собраний... С. 147.

¹⁴ Там же. С. 153.

¹⁵ Доклад В.А. Тернавцева // Записки петербургских Религиозно-философских собраний... С. 165.

¹⁶ Речь епископа Сергея // Записки петербургских Религиозно-философских собраний... С. 125-129.

¹⁷ Речь протоиерея проф. С.А. Соллертинского // Записки петербургских Религиозно-философских собраний... С. 129-132.

¹⁸ Записки петербургских Религиозно-философских собраний... С. 132.

¹⁹ Там же. С. 132-133.

«Я вижу стеснение в том, что церкви ставятся задачи нецерковного характера, за церковным же идеалом не признается безусловного значения. Церковь оказывается на службе государства; если бы теперь объявить свободу совести для всех, это всем значило бы развязать руки, а деятелей церкви оставить связанными». «В последнее время у нас церковь слишком много берет на себя поручений во имя чисто гражданских и национальных интересов. Это связано со слабостью государства. Я думаю, что теперь русское государство уже настолько окрепло, что получает возможность возратить церкви ее свободу», — считал В.П. Гайдебуров. «Наш государственный строй и религиозные верования так тесно связаны между собой, что отделить их невозможно», — утверждал А.С. Лебедев²⁰.

Таким образом, причина неготовности деятелей РПЦ пойти на введение в стране свободы совести состояла в приниженном положении, которое занимала сама РПЦ в Российском государстве. Только реформировав Церковь, освободив ее от прямого государственного контроля, можно было приступить к освобождению общества. Оптимальный путь разрешения коллизии церковно-государственных отношений предлагал, как нам представляется, профессор Петербургской духовной академии В.В. Успенский, который указал: «Церковь должна решить вопрос о государстве, не унижаясь до него, а возвышая его до себя... Государство нечто низшее по сравнению с церковью. Церковь, имея в виду факт насилий, должна открыто высказаться, что эти насилия для нее не нужны»²¹. Между тем эта позиция не была поддержана церковными деятелями на РФС. Представители церковной иерархии не захотели выступить инициаторами осуществления в стране религиозной свободы, и как показала история, эту функцию взяла на себя государственная власть.

За всем происходившим на РФС напряженно наблюдал К.П. Победоносцев, который все более раздражался ходом дискуссии, утверждаясь в сознании, что собрания превращаются в «говорильню свободолюбцев», опасную для государства и для Церкви. Согласие Победоносцева на открытие собраний было временным попустительством, поскольку при сложившейся системе государственно-церковных отношений и синодального церковного устройства власти не могли с благодарностью выслушивать претензии и принимать предложения по поводу неудовлетворительной роли Церкви в быстро менявшихся условиях общественно-политической жизни страны²².

Пробуждение в обществе интереса к богословской культуре обер-прокурор считал вторичным по сравнению с сохранением формы существующих государственно-церковных отношений и, увидев в работе РФС угрозу этой форме, сделал все, чтобы Собрания были закрыты. Это произошло в апреле 1903 г. А 17 декабря 1903 г. вышел секретный указ Св. Синода о запрещении печатания «Записок религиозно-философских собраний» в журнале «Новый путь» и отдельными оттисками.

Между тем и после своего закрытия РФС имели широкий общественный резонанс. Обозначенные в ходе дискуссий проблемы обсуждались в дальнейшем как в светской (журналы «Новый путь», «Вопросы жизни», сборники «Вехи», «Проблемы идеализма»), так и в богословской периодике («Богословский вестник», «Вера и разум», «Церковный вестник» и др.)²³.

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. в российском обществе складывается представление о необходимости реформирования системы веротерпимости как основы государственно-церковных отношений. Либерально настроенные общественные деятели активно высказывались за установление в стране свободы вероисповедания (отдельные представители — и свободы совести). Особо подчеркивалась ненормальность ситуации, при которой Церковь была подчинена интересам государственного управления и политики. Последовательное проведение в жизнь принципа свободы вероисповедания и совести связывалось ими с освобождением Православной церкви от государственного диктата.

Между тем определенная часть консервативно настроенной светской и церковной общественности выступила за сохранение законодательных ограничений в вопросах веры, защиту интересов господствующей церкви силой правительственной власти, обосновывая свою позицию традициями государственно-церковных отношений в России, особой ролью Православия в развитии русского государства, а также низким уровнем религиозного просвещения народа. Наряду с этим тезис о естественности и необходимости прямого государственного контроля над РПЦ прямо ставился под сомнение, в особенности представителями православного духовенства. Дискуссионность вопроса о введении свободы вероисповедания и свободы совести во многом предопределила дальнейший ход, содержание и противоречивость реформирования вероисповедного законодательства.

²⁰ Там же. С. 138, 133, 137, 153.

²¹ Речь проф. В.В. Успенского // Записки петербургских Религиозно-философских собраний... С. 135.

²² Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). М., 2002. С. 124.

²³ Шапошников Л.Е., Шиманская О.К. Петербургские религиозно-философские собрания 1901–1903 гг. как явление духовной жизни России // Империя и религия. К 100-летию Петербургских религиозно-философских собраний... С. 63–64.